

АРТЕФАКТ

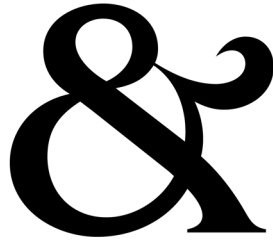

ДЕТЕКТИВ

**Читайте повести
Ольги БАСКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты
Золотой конь Митридата
Сокровище падишаха
Наследство племени готов
Проклятая сабля крымского хана
Брегет хозяина Одессы
Медальон Таньки-пулеметчицы
Сокровища баронессы фон Шейн
Тиара скифского царя
Бриллианты с царской иконы
Золото «Черного принца»
Диадема Марии Тарновской
Крымская Чаша Грааля

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

Крымская
Чаша Грааля

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Баскова, Ольга.

Б27 Крымская Чаша Грааля : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-165313-2

Молодая крымчанка Роза помогала партизанскому отряду. Неожиданно ей в руки попали секретные документы, в которых было зашифровано местонахождение некоего сокровища. Ходили слухи, что в одной из пещер спрятана Чаша Грааля...

Спустя десятилетия к уже пожилой Розе приходит сын ее врага с требованием отдать ему карту. От пережитого стресса женщина попадает в больницу и успевает сказать своему внуку Олегу только одно: он должен отправиться в Крым на караимское кладбище...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165313-2

Глава 1

1926 год. Крым

*Н*изенький кривоногий татарин Зариф сидел на завалинке возле своего дома и жевал пожухлую травинку. Его жена Алима вот-вот должна была родить, и это его беспокоило. Да и как не беспокоиться, когда двое детей умерли от того, что их нечем было кормить? У семьи Гафуровых не было ни денег, ни продуктов. Единственная корова давала жидкое молоко и доилась плохо: на дворе стояла чахлая крымская весна, и трава, местами выглядывавшая из мокрой серой земли, не служила достаточным пропитанием скоту. Зариф постучал кулаком по камню, выругался сквозь зубы и стал раздумывать, где можно раздобыть сена. Если попросить колхозное начальство... Хотя это бесполезно, корма скоту не хватало. Зариф посмотрел на равнодушный диск солнца, висевший над высокой горой — ему явно не было дела до жалких людишек, — и вздрогнул, услышав чьи-то голоса.

— Привет, Зариф, — тракторист Алексей, лысоватый мужичок лет сорока, протянул ему руку. — Вот, знакомься. К нам пожаловали столичные гости.

Татарин поднял голову и увидел двух невысоких мужчин. Один из них, с узким худым лицом, в очках с тонкой оправой, раздвинул в улыбке губы:

— Александр Васильевич Барченко, ученый из Петербурга. А это мой приятель, тоже ученый и тоже Александр, только Кондиайн.

Приятель кивнул, морщась от морозящего дождя.

— Вот, посоветовали обратиться к вам. Приютите на несколько дней? Ну, может быть, недель. Мы вам заплатим.

Зариф не верил своим ушам.

— Вы хотите поселиться у меня? Но в доме (у него дрогнул голос — какой это дом, самая настоящая халупа) мало места.

— У всех одинаково, — пояснил Барченко и снова улыбнулся. — Мне рекомендовали вас как человека, хорошо знакомого с горной местностью. Если станете нашим проводником, заплатим вдвойне. Совершите с нами прогулки в Чуфут-Кале?

Татарин развел руками:

— Ну, если вас все устраивает...

— Тогда пойдем. Кстати, если приютите на днях и несколько наших учеников, тоже в долгу не останемся.

Хозяин ничего не ответил. Александр Васильевич подхватил легкую сумку и направился в дом. На крыльце Зариф опередил его, чтобы рассказать жене о странных гостях. Черноглазая желтолицая Алима, маленькая, хрупкая, с огромным выпирающим животом, схватилась за грудь:

— Ох, Зариф, чем же мы будем угощать гостей?

— Об этом не беспокойтесь, — Александр Васильевич вошел следом, вежливо поздоровался с женщиной и, рас-

крыв сумку, стал выкладывать продукты. — Мы выгодные постояльцы.

Алима бросилась на кухню.

— Значит, вы ученые? — Зариф указал на маленькую комнатку с одной-единственной кроватью у окна. — Располагайтесь. Как видите, места у нас немного.

— Да, мы ученые, — подтвердил Александр Васильевич.

— И зачем вам пещерный город?

Второй Александр, высокий, худощавый, с чуть раскосыми черными глазами, щелкнул длинными пальцами:

— Слышали легенду о Золотой колыбели?

Зариф скривился:

— А кто ее в наших краях не слышал? Мангунский князь спрятал эту реликвию в горах, чтобы она не досталась врагам. Говорят, кто отыщет ее, тому владеть миром. Неужели господа верят в подобные сказки?

Тезки переглянулись и расхохотались.

— И да, и нет, — Барченко ловко ушел от ответа. — Так что, проводите нас до пещерного города?

Зариф махнул рукой:

— Отчего ж не проводить? Только зачем зря терять время? Все равно ничего не найдете.

— Это наша забота.

Александр Васильевич потянул воздух острым носом:

— Хорошая у вас хозяйка, Зариф. Чувствую, для нас готовится что-то очень вкусное. Давай-ка, друг мой, переоденемся. Обед не за горами.

Зариф вышел из комнатки, оставив их вдвоем, но остался за дверью. В нем проснулся интерес к этим странным людям. Неужели они действительно думают, что найдут Золотую колыбель? Татарин прислушался.

— Почему ты решил, что нам следует искать в Крыму? — поинтересовался Кондиайн.

— Потому что, произведя исследования, я понял: здесь имеются свои случаи мерячения, — пояснил Барченко. — Известно, что в пещерных городах, которых в Крыму очень много, у людей наблюдались приступы необоснованного страха. Правда, меня очень интересует и другой вопрос. Скажи, что тебе удалось узнать про Успенский монастырь? Если ты не забыл, в письме я просил тебя об этом. Меня интересует культ Девы Марии. Если удастся раскопать что-то стоящее, я поверю, что Золотая колыбель и Чаша Грааля — одно и то же.

Друг кивнул:

— Кое-что накопал. Здесь действительно царил культ Марии. По преданию, она являлась первым монахам, жившим здесь. Именно поэтому разросшаяся Успенская церковь всегда привлекала богомольцев. Посол, московский историк Лызлов, в своем труде «Скифская история» говорит, что даже крымский хан, отправляясь в поход, обращался к покровительству Пресвятой Богородицы.

Александр Васильевич провел рукой по широкому лбу, прорезанному глубокой продольной морщиной:

— Почему в Бахчисарае и Чуфут-Кале процветал такой культ Марии? Разве это не кажется странным?

Кондиайн поморщился:

— Дзержинский и его друзья дали нам другое задание. Если бы они знали, о чем мы с тобой говорим...

— Я, кстати, не отклоняюсь от темы, — заметил Барченко и еще что-то добавил, но Зариф не расслышал: в комнате появилась Алима:

— Плов готов. Зови гостей.

Зариф деликатно постучался к гостям:

— Просим к столу.

Он услышал, как Александр Васильевич хлопнул в ладоши:

— Ужасно хочу есть. После обеда отдохнем, а в горы — завтра.

Гости не обманули ожиданий хозяев. Они хорошо заплатили Зарифу и за постой, и за экспедиции в горы. На привалах татарин внимательно вглядывался в их разрумянившиеся лица, будто стараясь найти ответы на мучившие его вопросы, но это ему не удавалось. Скорее всего, ученые ничего не нашли. Кроме исследований в горах, гости беседовали с жителями Бахчисарая, особенно с крымчаком Яковом Бакиши, знавшим много крымских преданий. Когда мужчины засобирались домой, татарин наконец решил спросить:

— Вы нашли Золотую колыбель?

Барченко хлопнул его по плечу:

— Даже не знаю, что тебе сказать. Нет, одно знаю точно: сюда еще вернутся и обязательно что-нибудь отыщут. Можешь мне верить.

Больше Зариф их никогда не видел. Он долго не мог понять, почему они не приехали. Разве Александр Васильевич не намекнул, что эти работы будут продолжены?

Глава 2

1938 год. Петербург

Александр Барченко мерил шагами камеру смертников. Странно, но думалось ему вовсе не о смерти, он вспоминал те казавшиеся теперь далекими и нереальными экспедиции в пещеры Крыма, Гималаев и Русского Севера, подземные хранилища глубочайших тайн мировой цивилизации. И, главное, он подошел к тому, что

искал, очень близко. Только передавать знания государству, нафаршированному недалекими чекистами, которые праят бал, Барченко не собирался.

В зарешеченное тюремное окошко пытался прорвать-ся солнечный луч. Склизкие стены пахли плесенью, плакали мутными каплями. Александр Васильевич присел на незаправленную постель с желтоватыми простынями. Грустные мысли хороводом кружились в голове. Интересно, когда его расстреляют? Сколько ему осталось? Неужели напоследок не разрешат встретиться с женой и сыном? Неужели...

Лязг открываемого замка заставил его вздрогнуть. В камеру вошел худощавый следователь с неизменным черным портфелем и дежурной слащавой улыбкой на тонких губах.

— Здравствуйте, Александр Васильевич!

Ах, как он ненавидел представителей этой лицемерной системы, заставившей его, ученого и писателя, работать на нее в поте лица, а потом вышвырнувшей, как использованную ветошь. Следователь протянул заключенному руку с длинными желтоватыми пальцами в синих родинках чернил, однако Барченко сделал вид, что не заметил этого жеста. Мужчина сконфузился. Он ожидал от смертника полных отчаяния глаз и рвущейся из глубины души надежды на отмену приговора. Ну, если не отмены, то хотя бы отсрочки, дававшей шанс на пересмотр дела. Но Барченко вел себя совсем по-другому, и представитель органов растерялся.

— Вы не рады меня видеть?

Ученый посмотрел куда-то в сторону:

— Скажу откровенно — нет. И потом, мне не ясна цель вашего визита. Зачем вы пришли? Я рассказал все, что знаю, суд вынес приговор, скоро меня расстреляют.

Неужели даже в последние часы моей жизни вы не дадите мне покоя?

Мужчина потер руки:

— Вы слишком плохо обо мне думаете. Знаете, я отношусь к той кучке людей, которые еще не отчаялись вызволить вас отсюда.

Барченко усмехнулся:

— Ой ли? И каким же образом?

Следователь сел рядом с заключенным. Кажется, Александр пошел на контакт. Возможно, у него получится выполнить поручение одного из самых могущественных представителей организации. Должно получиться, иначе... Иначе он не уверен и в своей судьбе.

— Сейчас мы делаем все, чтобы добиться отсрочки, — попытался он заверить смертника, — мы хотим обратиться к самому Сталину.

Лицо заключенного ничего не выразило, лишь бледные губы слегка дрогнули.

— Вы верите нам? Мы хотим спасти вас.

Барченко пожал плечами:

— Это несвоевременный разговор. И все же: что нужно от меня?

Следователь открыл немного потертый портфель из черного кожзама и вытащил чистые листы бумаги и карандаш:

— Очень влиятельные люди желают, чтобы вы подробно описали каждую экспедицию. Особенно нас интересует крымская.

Александр Васильевич вздрогнул. Почему крымская? Каждая его экспедиция имела огромное значение. Что же касается работы в горах полуострова... Возможно, им что-нибудь известно о рукописях, которые остались в пещере...

Заклученный внимательно посмотрел на следователя своими грустными серыми глазами.

— Почему же именно крымская?

— Я не обсуждаю приказы, — мужчина быстро встал и поправил гимнастерку. — Не буду вам мешать. Желаю удачи. Пишите как можно подробнее.

Он пошел к двери, а ученый, проводив его неприязненным взглядом, вертел в пальцах карандаш. Жизнь кинолентой крутилась в памяти. Да, что правда, то правда, ему многого удалось достичь. Он занимался такими науками, о которых его отец, простой нотариус окружного суда, не имел и понятия. Оккультизм, астрология, хиромантия привлекали его с юности. В те времена граница между оккультизмом и естественно-научными дисциплинами была довольно размытой, и Александр увлекся медициной, отдавая предпочтение изучению паранормальных человеческих способностей — феноменам телепатии и гипноза. Затем — медицинский факультет Казанского университета, перевод в Юрьевский университет и знакомство с профессором римского права Кривцовым. Именно этот человек рассказал ему о встречах в Париже с мистиком-оккультистом Сент-Ивом де Альвейдром.

Барченко отложил карандаш и почесал за ухом. Надо ли писать об этом? Пожалуй, нет, он уже рассказывал о знакомстве с Кривцовым и беседами с ним ранее. Тогда этот же следователь с бесстрастным лицом вел допрос, а Александр пытался ответить как можно точнее: он еще надеялся на чудо.

— Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнивших в дальнейшем всю мою жизнь, — медленно говорил ученый. — Предполагая возможность сохранения в той или

иной форме остатков этой доисторической науки, я занимался изучением древней истории, культуры, мистических учений и постепенно ушел в мистику. Увлечение мистикой доходило до того, что в тысяча девятьсот девятом — тысяча девятьсот одиннадцатом годах, начитавшись пособий, я занимался хиромантией — гадал по рукам.

Вот здесь следователь позволил себе улыбнуться.

— И получалось?

— Представьте себе. Потом я всерьез занялся изучением паранормальных способностей человека.

Следователь без интереса выслушал рассказ о зарубежных поездках заключенного, и это не ускользнуло от Барченко. А ведь сколько мог бы поведать ему Александр хотя бы о своем увлечении естествознанием и об изучении видов «лучистой энергии», оказывавшей влияние на жизнь человека! Сколько рассказов и очерков написал он на эту тему! И о роли солнца — источника жизни на Земле и на других планетах, например, на Марсе, где, вполне вероятно, живут братья по разуму, и о существовании эфира — души природы. Да, именно ее души, ведь чудовищные взрывы и вихри тотчас отражаются на электромагнитном состоянии Земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния... Телеграфы отказываются работать, трамваи стоят как вкопанные...

Александр надеялся, что когда-нибудь наука установит связь между такими колебаниями и крупными событиями общественной жизни. Впрочем, его интересовали и другие виды лучистой энергии: звук, теплота, электричество. Тогда он увлекся открытием француза Блондло об «N-лучах» как особой разновидности психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом.

Другие ученые тоже обращали внимание, что фактически любая мозговая деятельность человека сопровождается обильным излучением. А если это так, то почему нельзя передавать мысли на расстоянии? Увлечшись этой идеей, Александр поставил собственные эксперименты, которые позволили сделать вывод: N-лучи — не исключительный двигатель мысли. Ведь существует же предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже современной. А остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Сколько лет он посвятил работе над такими важными для человечества проблемами! Сначала его исследования прервала Первая мировая, а потом — Октябрьская революция. От последней он испытал шок. Что будет с ним? Что будет с его исследованиями? Немного поразмыслив, ученый решил: лучшее поведение — христианский пацифизм, невмешательство в политическую борьбу. А вообще, хочешь что-то переделать — начинай с себя. И Барченко начал... Он активно посещал эзотерические кружки, собиравшиеся в Петрограде. Их члены обсуждали религиозно-философские вопросы и актуальные политические темы. Разумеется, большевиков критиковали. Сначала Барченко слушал такие выступления с пониманием, но однажды вступил в полемику, и ему дали понять, что его идеи здесь никому не нужны и непонятны. Александр ушел, громко хлопнув дверью. Ушел к большевикам. Им его лекции оказались интересны, а ему такое сотрудничество давало возможность кормить семью.

«Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей Земле, —

рассказывал морякам Барченко. — И господство ее насчитывало около ста сорока четырех тысяч лет. Около девяти тысяч лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии, в границах современного Афганистана, Тибета и Индии, была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рама... Рама — культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой. Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около трех тысяч шестисот лет и окончательно распалась после революции Иршу».

Лекции пользовались популярностью, и вскоре на Александра Васильевича обратили внимание чекисты. Так состоялось его знакомство с «большими людьми» с Лубянки. А потом — интересная работа с профессором Бехтеревым и многочисленные экспедиции на Север.

Александр Васильевич не признавался, что хочет отыскать следы развитой цивилизации. Зачем? Бехтерев его вряд ли понял бы. Зато чекисты во главе с Железным Феликсом почти разгадали его замысел. Он вспомнил эту незабываемую встречу на Лубянке, все свои ощущения. Входя в здание, Александр пытался справиться с ознобом. Сколько людей входило на Лубянку, и сколько не вернулось! Однако Бокий и Блюмкин уже доложили о его приходе, и молодой паренек в форме провел его в кабинет Дзержинского.

Александр Васильевич немного замешкался на пороге, сопровождающий постучал в дверь.

— Войдите, — раздался негромкий голос.

Никогда еще Барченко не видел Железного Феликса так близко. На худом озабоченном лице главного чекиста показалась улыбка: